DOI 10.37882/2223-2982.2023.10-2.23

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СМЕЛОСТЬ» ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКИХ АДЪЕКТИВНЫХ ЕДИНИЦ

VERBALIZATION OF THE CONCEPT "BRAVE" BY MEANS OF THE ENGLISH ADJECTIVES

L. Nikitinskaya

Summary: The article considers the expression of the concept brave by means of the English adjectives. The concept under consideration is referred to the category of cultural concepts, its anthropocentric character is also emphasized. The article dwells upon the applicability of the evaluation scale for the description of the semantics of the concept, the evaluation done within the dichotomous range good – bad. The compliance of the adjectivally nominated quality with the socially accepted standard is also taken into account. The adjectives are regarded as components of a segment of the field composed by the lexemes representing the concept brave. The notion of the frame is applied to describe the structure of the considered field. The qualities nominated by the adjectives are regarded as expressing either positive evaluation or critical attitude. The accent is also made upon the degree of intensity of the property verbalized by the adjective, other connotations are of importance, too. These parameters specify the structure of the conceptual field, the adjectives are referred either to the center of the field or to its periphery.

Keywords: concept "brave", cultural concept, anthropocentric concept, evaluation scale, frame, conceptual field.

Никитинская Лариса Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
nikitinskaya.larisa@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается выражение концепта смелость с помощью адъективных единиц английского языка. Отмечается принадлежность данного концепта к категории лингвокультурных концептов, обосновывается его антропоцентрический характер. В статье также рассматривается применимость понятия оценочной шкалы к описанию семантики содержания концепта с точки зрения дихотомии «хорошо – плохо» и в плане соответствия или несоответствия номинируемого языковой единицей признака существующему в общественном сознании эталону. Анализируемые адъективные единицы рассматриваются как компоненты сегмента номинативного поля, структура которого представляется в виде фрейма с шестью слотами. Номинируемые прилагательными качества делятся на положительную оценку и на критическое отношение. Кроме этого, отмечается степень интенсивности признака и другие коннотации. Исходя из этих параметров предлагается структура и наполнение описываемого фрагмента концептуального поля, выделяются ядерная и периферийная зоны, в рамках которых располагаются рассматриваемые языковые единицы.

Ключевые слова: концепт «смелость», лингвокультурный концепт, антропоцентрический характер концепта, оценочная шкала, фрейм, слоты, номинативное поле концепта.

Настоящая статья имеет целью описание одного из сегментов номинативного поля концепта «смелость», представленного адъективными элементами (прилагательными) современного английского языка. Концепт рассматривают как результат работы человеческого сознания по отражению воспринимаемой им внеязыковой действительности и систематизации продуктов этого вида мыслительной деятельности в виде их категоризации и определяют как мысленное образование [1, с. 4], как обобщенную мыслительную единицу [11, с. 3-9], как перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера [4, с. 39], как представление о фрагменте мира [12, с. 8], как квант структурированного знания [9, с. 90] и т.д.

Актуальность затрагиваемого в данной статье вопроса обусловлена актуальностью семантико-когнитивного направления в лингвистике, в основе которого лежит изучение «лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» [13, с. 12].

В данной статье представлен анализ семантики английских адъективных единиц, в структуре значения которых имеется сема, репрезентирующая концепт «смелость». Материал для исследования базируется на данных англоязычных толковых словарей. При исследовании материала использовались такие методы, как дефиционнная и стилистическая интерпретация семантики отобранных для анализа прилагательных.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку человек как общественное существо не может не взаимодействовать с обществом, то очевидна человеческая потребность в самовыражении, в стремлении поделиться мнениями, оценками, чувствами, переживаниями. Давая оценку событиям, поступкам, действиям и т.п., человек исходит свой системы ценностей, и основой такой оценки является личностная концептуальная картина, сложившаяся в его сознании. Будучи «квантом знания», концепт обладает содержанием. Качественная суть этого содержания, с одной стороны, является одинаковой для всех членов социума, а, с

другой стороны, характеризуется наличием элементов, специфических для ментальности данного субъекта.

Существуют различные методы изучения концептов. Так, например, информативная наполненность концепта, взятого в общем виде, в виде концепта-инварианта, общего для членов языкового сообщества, может изучаться такими методами, как анализ словарных толкований, анализ фразеологизмов, паремий и афоризмов, статистический анализ корпусов; концептуальная картина, характерная для отдельного мастера слова (писателя, поэта), исследуется методом дискурсивного анализа текстов (художественных, публицистических и пр.); понимание концепта отдельным конкретным лицом можно определить с помощью, например, ассоциативного эксперимента.

В настоящее время большое внимание уделяется понятию культурного, или лингвокультурного концепта. Мы полагаем, что для культурного концепта подходит определение, данное С.Г. Воркачевым, согласно которому это есть «единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [2, с. 70].

Рассуждая о сути культурного концепта, лингвисты неизменно акцентируют наличие в его содержательной структуре ценностного компонента. Так, например, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин полагают, что присутствие ценностного элемента в структуре концепта отличает его от других ментальных единиц, используемых в современной науке: «Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [7, с. 75-79]. Такое качество как смелость несомненно ценится в людском социуме. Например, прилагательное «смелый» трактуется в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова в своем первом (основном) значении как «не знающий страха, решительный»: эта дефиниция, несомненно, отражает тот факт, что данное качество входит в систему ценностей русскоязычного социума [22]. Аналогичное впечатление оставляет дефиниция адъективной единицы brave в Collins English Dictionary: having or displaying courage, resolution, or daring; not cowardly or timid [24]. Таким образом, лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц (в том числе от концепта в когнитивном плане) акцентуацией ценностного компонента.

Наряду с принадлежностью рассматриваемого концепта к категории культурных концептов целесообразно отметить его антропоцентричный характер. По мнению С.Г. Воркачева, выделение концепта как ментального образования – это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания [2, с. 67]. Суть антропоцентрического подхода к анализу культурного концепта состоит в том, что, по словам Е.С. Кубряковой, «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [10, с. 12]. Именно человек дает оценку тем или иным качествам, позиционируя их на шкале человеческих ценностей. Вывод о ценности того или иного объекта или качества, очевидно, является результатом ментального акта оценки. Таким образом, антропоцентричность, в основе которой лежит человек и как субъект восприятия и осознания действительности, и как субъект вербализации того, что он воспринимает и осознает, оказывается соотнесенной как с понятием оценочности, так и с качеством ценности.

В литературе отмечается, что концепт оценки с трудом поддается дефиниции, которую могло бы признать большинство исследователей [5, с. 69], однако при определении сути данной ментальной операции авторы сходятся во мнении, что оценка – это вывод о том, что оцениваемому объекту присваивается ««положительная или отрицательная характеристика предмета или явления, даваемая ему на основе его определенных признаков» [6, с. 127]. Таким образом, система оценочных значений основана на двух неразрывно связанных основных признаках – «хорошо» и «плохо», представленных положительной или отрицательной оценкой. Эти признаки соотносятся с понятием оценочной шкалы, иллюстрирующей степень качественности или приемлемости оцениваемого объекта. На этой шкале имеются участки положительного или отрицательного, на которых распределяются оценочные характеристики «хорошо» и «плохо».

Ментальная операция оценки предполагает опору на какие-то критерии, соотнесение с тем, что называется нормой, стандартом или эталоном. При этом, как полагают исследователи, соответствие норме является основанием для положительной оценки [15, с. 22, 23]. В данном контексте происходит сближение понятий ценности и нормы, эталона: то, что соответствует норме, то и является ценным, обладает качеством ценности. Поэтому И.А. Стернин определяет ценности как разделяемые народом и наследуемые новыми поколениями «социальные, социально-психологические идеи и взгляды. Ценности — это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что “хорошо” и “правильно”» [14, с. 108].

Понятие нормы представляет собой диалектическое единство индивидуально-личностного и социально-обусловленного, ведь давая оценку чему-то, характеризуя это что-то как нечто в высшей степени приемлемое или абсолютно негодное, человек, очевидно, исходит как из собственного понимания нормы, так и из осознания

стандартов, существующих в социуме. В этом ключе Е.Г. Хомякова пишет о личностных и социальных ценностях [17, с. 120-122], В.И. Карасик – о внешних, то есть социально-обусловленных, и внутренних, то есть персонально-обусловленных ценностях. При этом автор отмечает, что между первыми и вторыми нет чётко очерченной границы [7].

Переходя к анализу рассматриваемого концепта *смелость*, мы сталкиваемся с вопросом о ценности такого качества как смелость. Смелость в обыденном сознании воспринимается как ценное качество, о чем свидетельствуют такие суждения как «он – смелый человек», «это был смелый поступок». В повседневном общении выраженная таким способом оценка вне всякого контекста характеризует объект оценки как явление абсолютно положительное. С одной стороны, качество смелости считается ценным и поэтому оно кажется неподвластным распределению по участкам шкалы в плане оценки «хорошо – плохо» с точки зрения соответствия или несоответствия норме. Однако языковой материал свидетельствует, что ситуация не так проста. На первый взгляд кажется, что у качества смелости нет нормы: чем больше смелости проявляет человек в той или иной сфере его деятельности, тем лучше. Таким образом, если рассмотреть качество, обозначаемое прилагательным «смелый», с точки зрения его расположения на глобальной шкале оценки общечеловеческих качеств, то может показаться, что понятие нормы \ стандарта к этой характеристике поступков человека неприменимо: ведь когда люди говорят «это был смелый поступок», «он – смелый человек», они имеют в виду, что данный поступок и данный человек являются отклонением от обычного в положительную сторону. Однако вспомним характеристику зонирования оценочной шкалы, данную И.И. Туранским, который полагает, что в сознании носителя языка шкала оценок имеет три значимых позиции: это, во-первых, зона для тех качеств, которые соответствуют эталону или стандарту, во-вторых, это «абсолютный или относительный плюс», то есть в этом разделе оценочной шкалы располагаются качества, превышающие характеристики стандартной нормы, и, в-третьих, выделяется «абсолютный или относительный минус», то есть участок шкалы, отведенный для качеств, характеристики которых не дотягивают до нормы, оказываются ниже нее [16, с. 148]. Возникает впечатление, что все, к чему применима характеристика «смелый», лежит в зоне «абсолютного или относительного плюса» и к нему неприменимо понятие «абсолютного или относительного минуса». Однако это не совсем так. Мы считаем, что нельзя утверждать, что рассматриваемое качество не подлежит градации. «Качество или свойство как семантическое ядро имени прилагательного может проявляться в различном градационном отношении» [3, с. 6-7]. Хотя смелости как нормы вроде бы в человеческом сознании не существует, тем не менее существуют оценки этого качества в количественном плане: недостаток смелости, знаком которого является прилагательное «трусливый», однозначно характеризуется как отрицательное качество и находится в той зоне шкалы общечеловеческих ценностей, за которой закреплен знак минус. На другом конце шкалы, соотносимым со знаком плюс, ситуация выглядит сложнее. На этом, плюсовом, участке шкалы расположено качество «быть смелым»: быть смелым, в целом, хорошо. Но при этом данный сегмент шкалы имеет свою собственную внутреннюю структуру, в ней выделяется и зона минуса (отрицательной оценки), и зона плюса (положительной оценки). Получается, что сегмент шкалы, связанный с выражением рассматриваемого качества, как бы раздваивается на два отрезка: один отрезок сопряжен с положительной оценкой, второй – с отрицательной, поскольку смелость, проявляемая в большом количестве, может одобряться и идти на пользу (в этом случае применимы такие маркеры как «отвага», «героизм»), или проявляемая смелость может считаться излишней, нежелательной, опрометчивой (маркер «безрассудство») и в данном случае оценка является отрицательной. Таким образом, можно говорить о норме в проявлении смелости: этот вывод вытекает из того, что в языке есть обозначения для чрезмерной смелости, которая критикуется, оценивается отрицательно с помощью, например, таких лексем в русском языке как «*безрассудный», «дерзкий», «опрометчивый»* и проч. Возможны сочетания прилагательного *«смелый»* с наречиями типа *«неоправданно смелый», «безрассудно смелый»*, которые выражают критическую оценку явления. Получается, что в данном случае мы можем говорить о применимости понятия нормы к качеству «смелость», можно быть *«в меру смелым», «разумно смелым»,* а превышение нормы заслуживает порицания. Таким образом, лексикографический анализ языкового материала, представленного в переводных и толковых словарях, выявляет наличие антонимической дихотомии аксиологического характера, основанной на базовой оценочной модели «хорошо – плохо».

В данной статье за основу описания языкового выражения концепта «смелость» взяты словарные толкования английских адъективных лексем. Они репрезентируются как компоненты номинативного поля анализируемого концепта. «Построение номинативного поля концепта представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки» [12, с. 124]. Таким образом, здесь описывается не полное номинативное поле концепта «смелость», а его сегмент, представленный английскими прилагательными. Ключевым словом данного сегмента мы полагаем прилагательное brave, поскольку оно отвечает таким критериям ключевого слова, как наименьшая обусловленность контекстом, стилистическая нейтральность, неспецифичность семантики и т.п. Данный факт подтверждается словарными дефинициями данной адъективной лексемы, например ‘ready to face and en-

dure danger or pain; showing courage' [27] или 'having or displaying courage, resolution, or daring; not cowardly or timid' [24]. Еще одним доказательством ключевого статуса лексемы brave служит и то, что большинство членов данной лексико-семантической группы определяются именно через это прилагательное: это значит, что семантика данной единицы имеет самый общий характер для объяснения значения большинства членов данного сегмента номинативного поля.

Структура рассматриваемого нами сегмента номинативного поля может быть представлена в виде фрейма, который, являясь, в свою очередь «структурой данных об определенной сфере человеческого опыта» [8, с. 170], имеет в своем составе элементы – слоты, которые соответствуют «разнообразным аспектам или параметрам, выделенным на основе опыта общения человека с объектами данного типа» [8, с. 65, 30]. Фрейм сегмента поля «смелый \ brave» можно представить как состоящий из таких слотов как:

1. проявляющий высшую степень смелости (доблесть, мужество, отвагу)
2. успешно преодолевающий трудности, готовый идти на риск
3. игнорирующий опасность и испытывающий от этого удовольствие
4. смело нарушающий традиционно устоявшиеся каноны и правила
5. идущий на чрезмерный, неоправданный риск, подвергая свою жизнь опасности
6. преступающий социально приемлемые нормы (наглый, нахальный, дерзкий)

Как видим, выделенные нами значения распределены между «плюсовым» и «минусовым» участками на оценочной шкале: первые четыре когнитивных признака дают положительную оценку качеству, следующие два когнитивных признака реализуют отрицательную оценку.

Наряду с понятиями фрейма и слота лингвисты оперируют понятием терминалов, располагающихся на нижнем уровне фрейма. Это узлы нижнего уровня, которые содержат информацию, уточняющую содержание слотов. Наше исследование показывает, что в структуре слота можно выделить два терминала, а именно (1) качество, характеризующее активного исполнителя действия (человека), и (2) качество, характеризующее действие \ поступок, или только один из этих терминальных узлов. Таким образом, слоты в составе фрейма «смелый» сами существуют в виде определенной структуры и являются субфреймами. Рассмотрим обозначенные субфреймы подробнее.

Лексическое наполнение субфрейма «проявляющий высшую степень смелости (доблесть, мужество, отвагу)» представлено такими адъективными единицами как *brave, heroic / heroical, stalwart, valiant, valorous courageous, daring, dauntless, intrepid doughty, fearless, gallant, hardy.* Словари переводят эти слова как *мужественный, отважный, смелый, храбрый*, отмечая, что их семантика подразумевает готовность противостоять опасности, бесстрашие перед ее лицом ("having or showing no fear when faced with danger or difficulty") . Как отмечает словарь синонимов Merriam Webster, прилагательное *brave* "is the most straightforward of these, implying lack of fear in alarming or difficult circumstances" [30, с. 111], подчеркивая, что данная лексема номинирует качество смелости в наиболее чистом, однозначном виде: именно поэтому мы, как отмечено выше, принимаем эту языковую единицу за центральный (ядерный) элемент рассматриваемого номинативного поля.

Лексемы *heroic / heroical* и *valorous* наиболее ярко выражают значение высшей степени проявляемой смелости. Так, *heroic / heroical* подразумевает проявление экстремальной смелости (extreme bravery), а также решимости и упорства, которые вызывают восхищение ("If you describe an action or event as heroic, you admire it because it involves great effort or determination to succeed") [24]. Прилагательное *valorous* подчеркивает доблесть совершающего подвиг ("marked by or possessing great personal bravery"), словари отмечают близость значения этого слова семантике прилагательного *heroic*: "This is a strong word for actions that are truly heroic". Вместе с тем, *valorous* нередко употребляется с оттенком поэтичности, встречаясь в контекстах, повествующих, например, о славных подвигах доблестных рыцарей прошлого. Прилагательное *valiant* близко по значению и коннотациям лексеме *valorous,* например, "a poem describing the forgotten sepulcher of a *valiant knight* of the Middle Ages". Особенностью прилагательного *heroic я*вляется его преимущественное употребление с неодушевленными существительными, обозначающими действия, например *heroic deed, heroic struggle, heroic act, heroic attempt, heroic achievements, heroic age, heroic exploit, heroic defence, heroic sacrifice*. Вместе с тем, иногда можно встретить *heroic* и в сочетании с одушевленным существительным: "The *heroic sergeant* risked his life to rescue twenty-nine fishermen from their blazing trawler" [29].

Стоит отметить встретившийся нам пример употребления прилагательных *valiant* и *stalwart* в сочетании с субстантивной единицей *hero*: "Its wisdom can only be unlocked by two of the most *valiant heroes*" [28]; "Yet when it comes to the lead male roles, the *stalwart hero* Valjean and the dogged villain Javert, I found myself often yearning for earplugs" [19]. Очевидно, что, принадлежа одному и тому же номинативному полю, эти единицы акцентируют разные оттенки значения: перевод «героические герои» невозможен в силу его очевидной тавтологичности, поэтому заложенный смысл передается сочетанием «доблестные герои». *Gallant* и *stalwart* также подчеркивают

качество доблести. Поскольку слово *gallant* этимологически оно восходит к значению «галантный», некоторые словари отмечают наличие этой коннотации в структуре его значения, например в [23]. В словаре Collins данное слово имеет помету "old-fashioned" \ «устаревшее» [24]. В значении прилагательного *stalwart* отмечается наличие семы надежности: "To be stalwart is to be courageous and dependable, like a stalwart knight who defends a kingdom from a ferocious dragon" [25].

Прилагательные *courageous, fearless* и *intrepid* близки по значению и подразумевают стойкость перед лицом опасности ("resolution in contemplating or facing danger" [25]). Однако слово *intrepid* отличается от *courageous* и *fearless* тем, что оно часто употребляется в высказываниях риторического характера, что, в свою очередь, приводит к употреблению этого слова и в юмористических контекстах, пародирующих «высокий» стиль: " *our intrepid reporter* " [23]. *Daring*, будучи производным от глагола *dare* 'осмеливаться; отваживаться', сохраняет глагольные коннотации и подчеркивает, по сравнению с *courageous* и *fearless,* бесстрашие, что отражается, например, в переводе «отважный»: daring explorer \ traveller 'отважный путешественник'. Прилагательное *doughty*, будучи близким по своей основной семантике лексемам *courageous* и *fearless*, отличается от них меньшей частотностью своего употребления, причиной чего является его архаичность, а также свойственная этой языковой единице юмористическая коннотация [23]. Адъектив *hardy* чаще всего употребляется в значении «выносливый, устойчивый», однако наблюдаются случаи употребления этого прилагательного в значении «мужественный, отважный, смелый, храбрый», которое является следствием метафорического развития первоначального значения, например "Warriors are *hardy*: they're brave and strong and don't easily tire" [29]. В отличие от других прилагательных этой группы *hardy* не применяется в сочетании с существительными, обозначающими поступки.

Однокоренные прилагательные *dauntless* и *undaunted*, передавая значение смелости, делают акцент на разных аспектах этого качества: *dauntless*, имея субстантивный корень, означает постоянную характеристику неустрашимости, неподвластности страху (*dauntless bravery, dauntless heroes, dauntless courage*), в то время как образованное от глагола адъективированное причастие *undaunted* обозначает ситуативно обусловленное моральное состояние, поэтому *undaunted* мы относим к следующей семантической категории прилагательных. Это категория прилагательных, семантику которых можно описать как «успешно преодолевающий трудности, готовый идти на риск». Прилагательные данной группы характеризуют объект, как проявляющий определенную смелость не в масштабе глобальных, жизненно важных событий (мужество, отвага, доблесть), а в более узких, менее масштабных ситуациях. Этот слот представлен такими адъективными единицами, как *bold, gutsy, mettlesome, plucky, spunky, unafraid, undaunted.* В отличие от прилагательных первой группы семантика этих единиц акцентирует качества, которые больше связаны с поведенческими характеристиками субъекта, готового рискнуть, игнорируя потенциальную опасность. Прилагательные первой группы заставляют думать об общем моральном облике человека, о его благородстве, о его душе, общих принципах и убеждениях. Прилагательные второй группы тяготеют к использованию для описания не столько морально-нравственного облика, его убеждений героя, сколько для характеристики психологических черт его характера или его состояния и действий в определенный момент и в определенной ситуации. Ведущим словом в этой группе является прилагательное *bold,* оно употребляется чаще других единиц этой группы и обозначает " a daring temperament", например "He ventured on a very *bold* step. \ Он решился на очень *смелый* шаг" [20]. Желание рисковать выражается также лексемами *gutsy, plucky и spunky.* Описывая семантику этих единиц, словари употребляют существительное 'spirit', которое можно перевести как «энергия, решительность» [21]: "having or showing courage, determination, and spirit" (*gutsy*) [27], "having or showing courage and spirit in trying circumstances" (*plucky*) [25], "high spirited and brave" (*spunky*) [25]. Для данных прилагательных характерно употребление с существительными, обозначающими, например, женщин: при этом имплицируется не сила, в том числе физическая, а решимость, упорство, бесстрашие, которое относительно слабое существо способно проявить в силу своего живого, энергичного, активного характера. Например: "her *gutsy* 80-year-old grandmother" [29], "*plucky* young players" [25], "a *spunky* kindergartner" [29]. Эти же прилагательные описывают и смелость небольшого, но храброго животного, например "this *spunky* little terrier" [29], "Thank you, *plucky* snail. \ Спасибо, *храбрая* улитка" [28]. Для прилагательного *mettlesome* также характерно употребление с существительными, обозначающими животных, в частности лошадей, например "*mettlesome*, high-couraged animal" [29]. Отмечается, что употребление этой адъективной единицы для характеристики человека является устаревшим, например "he came of fine, *fearless* stock, *mettlesome* and reliant, — the sort of stock that brings forth men of action" [28], "being a *mettlesome* young man, he rose by unanimous consent to command a native company of the troop" [29]. Прилагательное *unafraid* не употребляется в позиции препозитивного определения, например " a warrior for Democratic values, *unafraid* of going to battle against the right for the future of America" [29]. Адъектив *undaunted* синонимичен слову *unafraid*, но, в отличие от него, *undaunted* может употребляться и без зависимых слов: "Paramedics and firemen are *undaunted* when faced with a burning building" [29]

Следующий слот мы назвали «игнорирующий опасность и испытывающий от этого удовольствие». Терми-

нал, содержанием которого являются прилагательные, вербализующие характеристики человека, включает такие слова как *adventurous, audacious, daredevil, devil-may-care, kamikaze, venturous, venturesome.* В данном случае мы рассматриваем адъективные лексемы, в структуре значения которых отсутствует сема критического отношения, то есть это прилагательные, которые номинируют безрассудно смелое поведение, но при этом они не дают ему отрицательной характеристики. Словарные дефиниции этих лексем содержат указания на желание пойти на риск ('willingness to take risks') и отчаянность ('recklessness') без акцента на критике. Так, например, Оксфордский словарь описывает адъектив *audacious* как "recklessly bold or daring; fearless; showing a willingness to take surprisingly bold risks" [27], но при этом отмечает не безрассудство, а наличие цели в действиях [27]. Словарь Meriam Webster, комментируя значение прилагательного *adventurous*, наряду с готовностью рисковать отмечает, что семантика этого слова не подразумевает опрометчивого безрассудства [30].

Касательно однокоренных с лексемой *adventurous* слов *venturous* и *venturesome* словари отмечают, что прилагательное *venturesome* характеризует таких людей, которые идут на риск, но это не безрассудный, а обдуманный риск, основанный на расчете [30]. Прилагательное *venturous* несколько иначе расставляет акценты. Его семантика подразумевает импульсивность и спонтанность в действиях человека. They are not as concerned with calculating the risks and rewards, but rather, they act on their instincts and desire for adventure" [29]. Люди, чья смелость описывается адъективом *venturous*, менее расчетливы в своих рискованных действиях, риск у них скорее в крови и в характере, а не расчете на выгоду, они способны идти на больший риск и, соответственно, у них больше шансов потерпеть поражение, но в случае успеха они могут достичь большего [25].

Прилагательные *daredevil* и *devil-may-care* являются сложными словами, образованными способом компрессии соответствующих предикативных единиц, в них семантика слова *devil* \ 'дьявол' реализует себя в значении 'отчаянно смелый'. Как и в предыдущих случаях, в семантике этих адъективов реализуется получение удовольствия от рискованных действий. Например, в словарной статье о *daredevil* читаем: "a reckless person who enjoys doing dangerous things" [25]. Значение прилагательного *devil-may-care* определяется как "cheerful and reckless" [27], примером употребления служит выражение "light-hearted, *devil-may-care* young pilots" [27].

Перейдем к рассмотрению четвертого слота, семантику которого мы определяем как «смело нарушающий традиционно устоявшиеся каноны и правила». Его наполнением являются такие адъективные единицы, как *adventurous, audacious, daring, dashing.* Отличительной особенностью значения этих прилагательных является отсутствие в структуре их значения коннотации преодоления опасности, хотя остается коннотация риска: это риск быть осужденным общественным мнением. Например, прилагательные *audacious, daring* и *dashing* могут описывать чересчур смелые одеяния, которые могут вызвать неприятие со стороны окружающих: " the most *audacious* gowns I've set my eyes upon" [24], " a pretty girl in *daring* clothes \ in a *daring* dress" [26], "two elegant Scotsmen wore *dashing* kilts at dinner" [24]. В аналогичном духе, как смело выходящие за рамки привычного, могут быть охарактеризованы гипотеза, теория, эксперимент: "*adventurous* hypotheses' [27], "*audacious* experiments" [24].

Прилагательные, отнесенные к пятому и шестому слотам, несут дополнительную семантику осуждения. Так, слова, входящие в пятый слот – *foolhardy, hardy, heedless, rash, reckless, swashbuckling, temerarious* – выражают значение «идущий на чрезмерный, неоправданный риск, подвергая свою жизнь опасности» ("exposing oneself needlessly to danger while failing to estimate one's chances of success" (temerity) [26]). Ключевыми лексемами в этом ряду являются слова *reckless* и *rash*, потому что семантика всех членов этого ряда объясняется через эти лексемы, так, например, *foolhardy* означает " recklessly bold or rash (disapproval)" [там же]. Несомненно, что семантика корневой морфемы 'fool' вносит свой вклад в реализацию отрицательно-оценочного значения всей лексемы: "*foolhardy* suggests a recklessness that is inconsistent with good sense" [30]. Прилагательное *rash* не употребляется для характеристики человека, оно сочетается только с неодушевленными существительными, обозначающими поступки, поведение и т.п.: "*rash* resolve" [25], " *rash* act" [24], "*rash* decision" [26]. Подобные неоправданно рискованные поступки обозначаются также существительным *heroics,* которое является производным от прилагательного *heroic*: в то время как *heroic* 'героический' выражает исключительно высокую оценку как человека, так и его деяния, существительное *heroics* употребляется с антонимической коннотацией: "If you describe someone's actions or plans as heroics, you think that they are foolish or dangerous because they are brave for the situation in which they occur" [23]. Лексема *swashbuckling* в целом вписывается в рассматриваемый тип прилагательных, его значение трактуется как "engage in daring and romantic adventures with ostentatious bravado or flamboyance" [27], наслаждение риском очевидно из данной дефиниции, плюс здесь подчеркивается нарочитая вычурность поведения субъекта.

Последний, шестой, слот образован прилагательными со значением «преступающий социально приемлемые нормы»: *bold, daring, cheeky.* На оценочной шкале эти языковые единицы располагаются в минусовой зоне, поскольку эти они выражают осуждение чересчур смелого поведения, граничащего с наглостью: смелость состоит

в отсутствии боязни преступить границы вежливости и деликатности.

Выводы

Моделируя адъективный сегмент номинативного поля концепта «смелость», мы помещаем в его центр прилагательные, которые наиболее ярко передают значение смелости в таких значениях, как «мужество», «доблесть», «отвага»: как *brave, courageous, daring, dauntless, doughty, fearless, gallant, hardy, heroic / heroical, intrepid, stalwart, valiant, valorous*. Лексема *brave* является именем концепта и одновременно является ядерной единицей рассматриваемого поля. Околоядерную зону составляют языковые единицы, которые входят в состав второго слота: *bold, gutsy, mettlesome, plucky, spunky, unafraid, undaunted*. Эти лексемы обозначают несколько меньшую, по сравнению с первым слотом, смелость, поскольку человек в этом случае сталкивается с опасностью несколько меньшего масштаба, шансы погибнуть также меньше. Следующая зона, зона между центром и периферией, включает в себя адъективные единицы третьего и пятого слотов. Отличаясь знаком оценки – третий слот не имплицирует осуждения (*adventurous, audacious, daredevil, devil-may-care, kamikaze, venturous, venturesome*), пятый слот, наоборот, осуждает (*foolhardy, hardy, heedless, rash, reckless, swashbuckling, temerarious*) – данные прилагательные сходны в том, что они описывают людей и поступки, которые нельзя не считать смелыми, они связаны с готовностью рисковать жизнью, и при этом подчеркивается, что риск доставляет субъекту удовольствие, он у него в крови. Периферию поля составляют адъективные единицы четвертого и шестого слотов, их специфика состоит в том, что смелость, имплицируемая ими, несколько относительна: в отличие от предыдущих случаев, поступки и действия, характеризуемые ими, не связаны с риском потери жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. – Л., 1928. Вып. 2. – С. 28-44.
2. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – 11. – С. 64–72.1
3. Губанова Л.Г. Адъективная репрезентация категории «качество» (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. . . . канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 22 с.
4. Залевская, А.А Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001.
5. Иванов Л.Ю. Текст научной дискуссии: Дейксис и оценка. — М.: «НИП 2Р», 2003. — 208 с.
6. Казарцева О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения: Учеб. пособие. – М.: Флинта, 1998. — 496 с.
7. Карасик, В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – Москва: ГНОЗИС, 2004.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
9. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90-93.
10. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный; отв. ред. Е.С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1991. – 238 с.
11. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН, СЛЯ. – 1993, № 1. — С. 3-9.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
13. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с.
14. Стернин И.А. Русский речевой этикет / И.А. Стернин. – Воронеж, 1996. - 128 с.
15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
16. Туранский И.И. Некоторые проблемы реализации категории интенсивности / И.И. Туранский // Вопросы нормы и нормативности в реализации языковых средств / под ред. Каспранского. – Горький, 1988.
17. Хомякова Е.Г. Об организации ценностного пространства англоязычного дискурса // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. научных ст. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 120-122.
18. New York Times Jan. 3, 2013.
19. Taryn Luna, Los Angeles Times, 25 Sep. 2023
20. Англо-русский словарь общей лексики. © ABBYY, 2011.
21. Англо-русский словарь по психологии. © «Руссо», 2006.
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс [и др.], 2009. - 1359 с.
23. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. © HarperCollins Publishers 2008.
24. Collins English Dictionary. 8th Edition first published in 2006 © HarperCollins Publishers, 2006.
25. Concise Oxford American Thesaurus. © Oxford University Press, Inc., 2006.
26. New Oxford American Dictionary, 3rd Edition © Oxford University Press Inc., 2010.

27. Oxford Dictionary of English, 3rd Edition © Oxford University Press, 2010.
28. The British National Corpus.
29. The Corpus of Contemporary American English.
30. Webster's New Dictionary of Synonyms \ Merriam-Webster Inc., Publishers, 1984.

© Никитинская Лариса Владимировна (nikitinskaya.larisa@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева